

17.9.91
44

В издательстве "Захаров-АСТ" вышла книга Татьяны Егоровой "Андрей Миронов и я" (любовная драма жизни). Книга сразу привлекла внимание широкой общественности. К сожалению, не историей о трагической любви двух актеров, которые так и не сумели соединить свои судьбы, хотя так хотели этого. Нашу милую общественность привлекли пикантные подробности из театральной жизни, которые мимоходом рассказала Татьяна Николаевна. "Клубничка" волнует общественность больше, чем страсти по Ромео и Джульетте. А между тем Егорова вернула нам Миронова, любимого Андрея Миронова — артиста и человека, со всеми его страстями, нежностью, страстью, ошибками и победами. Можно сказать, что мы встретились с ним еще раз, на этот раз, чтобы уже не расставаться.

"Через 21 год на этой же сцене за кулисами он будет умирать на моих руках, бормоча в бессознании: "Голова... голова..." И в последний раз закинув голову, голову, в которой беспощадно рвался сосуд, увидит мое лицо и два глаза, в которых мольба о любви, о спасении его, меня, нас всех. Увидит, запечатлеет и возьмет меня с собой. А здесь, на земле, останется совсем другая "Танечка". Она покинет театр, построит дом, станет жить у ручья и рубить дрова. Все, как он просил. Ах, Сэлинджер, Сэлинджер, как вы врезались в нашу жизнь".

"Над пропастью во ржи" — спектакль, в котором Андрей Миронов, худой, с юношескими прыщами на щеках, с яркими голубыми глазами на бледном лице появился в Театре сатиры. Мы ходили на этот спектакль, нам нравился Холден Колфилд, но нам нравилась и Салли Хейс — Татьяна Егорова. Они были так молоды, так интересны, они, казалось, были созданы друг для друга. Но мы тогда думали, что все это только на сцене. Нам и в голову не приходило, что когда Холден умоляет Салли о встрече, то это Андрей умоляет Татьяну повидаться. Их роман будет известен всем: в театре, в Москве, в стране. На них будут смотреть удивленно, не веря в то, что артисты способны на такие чувства. А чувства были такими, что казалось: с ними не совладать, не справиться.

"Андрей из кухни тихо поманил меня пальчиком и сказал: "Танечка, можно тебя на минуточку?"

Я на "минуточку" вошла на кухню, он закрыл дверь и врезал мне так, что я, ударившись бедром о холодильник, оказалась раслапанной на полу. В Андрее бурлила кровь прадеда Ивана из Тамбовской губернии, чисто мужицкий способ разговора с бабой. Бьет — значит любит! Я сидела в кресле на одном боку бледная, с опухшими глазами. А у него, как всегда, — прости, прости, я не хотел, я так тебя ревную ко всем!

Он поставил мне пластинку: "Кармен-сюита" Бизе — Щедрин. Принес мне чаю с пастилкой. Чтобы скрыть волнение, откусила нежную пастилку со страхом проговорила: "Андрюша, я беременна..."

Я боюсь детей... что я могу им дать? Только тебе могу сказать, какое у меня было страдальческое детство: ведь никто и не подумает — сытый мальчик! Как я страдал, когда уезжали мать и отец, они уезжали всегда и оставляли меня с няней. Я был к ней привязан, но я чувствовал себя брошенным, я кричал от боли — так я хотел быть со своей матерью, так хотел, чтобы она не уезжала... Мне нужна была рядом мать, и никто заменить ее не мог. А потом, когда они приезжали, я опять был брошен. Главное место в ее жизни занимал театр. Поэтому я, наверное, и вырос таким психопатом. Ты меня никогда не бросишь? Нарисуй мне лицо, а то, мне кажется, оно у меня исчезает...

И я, склонившись над ним (у нас была такая игра — рисовать лицо), указательным пальчиком в темноте нежно водила по его лбу, рисовала нежно овал, щеки, брови, глаза, нос, ноздри, губы, уши... Уткнулась в его шею.

— Мне кажется, — сказал он шепотом, — меня никто никогда не любил так, как ты.

Схватил меня в охапку, и мы заснули тревожным сном.

Татьяна Егоровой не удалось родить ребенка от Андрея Миронова. Ни в тот, первый, ни во второй раз, когда случайное падение на улице все решило за двоих. Все было против них: мама — Мария Владимировна, обстоятельная, наконец, театральная жизнь, которая то сводила, то разводила, разбрасывала по стране, про-

тягивая через расстояния тоненькие нити-письма.

"Милая Танечка! Ты себе не представляешь, как я обрадовался, полу-

чив от тебя письмо, даже вначале боялся его читать, не знал, что ты там напридумала, но зато потом... Тюня, ты мне снишься каждую ночь, просто кошмар, я очень скучаю, родненькая моя. А может, и хорошо, что мы с тобой: один на севере, другой на юге... Я ужасно хочу приехать к тебе, но не знаю, нужно ли это делать, ты же знаешь мой кретинский характер, но вдруг потом, в Москве, все будет хорошо, ведь природа не может долго пребывать в противоестественности... Если я приеду, то приеду, если нет, то все равно я тебя обожаю, и ты все равно люби меня немножко. Андрей".

Между ними всю жизнь стояла его мама, великая Миронова, которая смотрела на сына как на собственность, безраздельно принадлежавшую ей. Она по-своему кроила его жизнь, ей никакого дела не было до того, что закройщик она неумелый, устаревшие фасоны жизни ее устраивали, и ей не казалось странным, что скроенное и сметанное на живую нитку не идет ее сыну, топорщится на его личной жизни, что швы натярают до крови его душу, сердце, судьбу.

— Мама, я женюсь! — сказал он.

— Только через мой труп! — сказала она.

— Мама, зачем так страшно?

— Только через мой труп! — повторила она.

Сын попытался логично изобразить свое намерение:

— Я хочу жениться, потому что я уже не мальчик. Я хочу оспениться. Мне уже 29 лет! Я хочу иметь свой дом.

— Ты дурак! Ты хочешь, чтобы тебя ограбили!

— Кто кого собирается ограбить?

— Слушай мать! Тебя ограбят! Сейчас строится квартира на Герцена, там наши кровные деньги! У тебя ее отберут, и ты останешься с... на снегу!..

Эти незатейливые диалоги повисали в квартире на Петровке и каждый день отравляли ее атмосферу ядовитыми испарениями. Мама повторяла сыну, что его намерения и разговоры так отравляют ей жизнь, что к моменту бракосочетания яд переполнит ее бунтующее сердце и она всех накажет своим летальным исходом. В воздухе уже, как молния, свер-

кала тема — сын, женитьба, мама, труп.

— Давай сейчас это отложим, — говорила я. — Не надо терзать маму, тебя, меня. У меня сейчас нет сил на перемены, на дипломатию с Марией Владимировной, я еле хожу, я качаюсь, поэтому тема "сын, женитьба, мама, труп" может завершиться моим летальным исходом".

Они несколько раз подавали заявление в загс, они несколько раз собирались пожениться, но каждый раз судьба подбрасывала им препятствия непреодолимой силы. В конце концов Татьяна Егорова бросила Андрея Миронова сама, хотя представить себе, что можно было бросить его, уже взшедшего на вершину всенародной славы, почитания, поклонения, невозможно. Но она бросила ему

А любовь все жива...

Семейная драма у всех на виду

ключи от квартиры и ушла. Ни к кому, в никуда, одна.

"Она меня бросила! Меня нельзя бросить, меня можно только потерять!" — твердил он избитую фразу, укрывшись в своей маленькой комнате, и курил одну сигарету за другой. Ему казалось, что весь мир, вся Москва показывают на него пальцем и кричат: "Ну что, знаменитый артист, получи-

чил по носу? Получил от ворот поворот?"... Он лежал навзничь на диване, смотрел на уже отцветшие кусты сирени и беспрестанно вытирал руками слезы: "Я сам во всем виноват, до чего я ее довел, сколько она страдала..."

Вспомнил, как вместе читали "Доктора Живаго", и закричал: "Что я наделал? Отдал! Отрекся! Уступил! Броситься бегом, вдогонку, догнать! Вернуться!" И вдруг обмяк весь. "А все потому, что мама!" — со злобой подумал он.

— Иди обедать! — услышал голос матери из кухни. Вышел из комнаты — бледный, осунувшийся. Она смотрела на него иронично:

— Что ты так убиваешься из-за этой шлю...

— Не смей ничего о ней говорить! — закричал он. Встал, бросил ложку в суп так, что разлетелись брызги по всей кухне, и вышел вон.

Он женился дважды, у него родилась дочь, вскоре появилась другая:

Они встречались теперь только в театре, они ездили вместе, но только на гастроли. И продолжали жить на этой земле только друг друга. Принимаю это, чувствуя.

"На банкете мы сидели напротив и не отрывали глаз друг от друга. Лес, стога сена, пылающие листья, сочный воздух вдруг обнажили в нас все чувства, которые мы так усердно прятали. В наших глазах, как на экране, мы видели такую любовь, наши лица расплывались в такой глупой и счастливой улыбке, что расстояние разлуки между нами, длиною в полтора года, становилось короче и, казалось, вот-вот исчезнет!

— За нас с тобой! — еле шевеля губами, чтобы никто не слышал, добавлял к каждому тосту Андрей.

...Подъехали к театру поздно — все быстро разошлись. Стоим вдвоем у освещенных витрин с ветками клена.

— Садись. Я тебя довезу, — глухо сказал он.

Я села, и мы помчались по Садовому кольцу. Единственное, что он произнес так же глухо:

— Я потерял тебя и потерял радость жизни.

Мы посмотрели друг на друга — сжалось сердце: нам было так хорошо, как бывает хорошо людям, когда они созданы друг для друга".

Как, наверное, трудно — стоять на ветру и смотреть, как понемножку разносит по свету твою любовь коварная жизнь. Как они могли играть, уходить с головой в творчество, когда их собственная жизнь была похожа на театр, в котором не было счастливых ролей, эпизодов со счастливым концом. Даже тогда, когда подобие счастья наступало, пытались подсластить послевкусие потерь.

"Наступили тяжелые дни нашей жизни. В феврале умерла моя мама, а 6 марта умер Александр Семенович Менакер. Я прибежала в театр — вечером шел спектакль с участием Андрея, вошла в гримерную, он стоял спокойный, мы бросились навстречу, крепко обняв друг друга, зарыдали.

На следующий день я нанесла визит Марии Владимировне. Вошла в квартиру. Она, как всегда, сидела в "книгах", в сеточке на голове, в халате. Вокруг нее несколько знакомых дам. Уже в который раз она рассказывала: "Саша собрался прогуляться, вышел в комнату, приложил руку к сердцу, сказал: "Маша!" и упал..."

— Таня! — кричал он. — Танечка! Я не хочу! Я не пойду! Т-а-а-а-ня! Я не хочу! Я сейчас приеду! Та-а-а-а-ня!

— Иди, иди, проштемпейлюй! Помучайся, это ненадолго! — жестко ответила я. — И никаких приездов! Бросила трубку, посмотрела на амуров и выругалась: "Подколесин хренов!"

ставить чайник. Приехал Андрей с Темиркановым.

— Вы незнакомы? — спросил Андрей.

— Нет, нет, — хором ответили мы.

— Так познакомься, Юра! Это — моя любимая жена!"

Любимая жена так и осталась любимой, но свободной женой. Их не связали штампы в паспорте, их связывало нечто большее. Они расстались в Риге, в 1987 году, в приснившемся ей когда-то день разлуки — 16 августа.

"Вечером я пришла на спектакль "Фигаро". За кулисами стоял Андрей — как будто ждал меня. Взял мои руки в свои — сжимал, разжимал, сжимал, разжимал и сказал: "Танечка, этот спектакль я играю для тебя! Я посвящаю его тебе! Не оставь маму!"

На берегу моря в Латвии после похорон Андрюши я прожила одна десять дней. Как инвалид, я переставляла ноги с утра — поставила чайник. Выпивала чаю, закрывалась в своей комнате и ничком лежала на постели до самого вечера, пока не стемнеет... Что произошло, Господи? Объясни мне! Почему мы с Андрюшей расстались там же, где и встретились, — в Риге на сцене? На той же самой сцене через 21 год. Вот и разгадка снов, которые приходили семь лет подряд: он на сцене Театра оперы и балета то танцует, то поет Спартака. И Спартак погибает... Господи, почему у тебя, такая беспощадная драматургия? Почему он мне сказал: "Танечка, этот спектакль я посвящаю тебе!" что это значит? Нет, смерти нет! Мы просто сбрасываем "пальтишко", а душа мчится, летит к себе домой, туда, где нет зла, зависти, страха, смерти. Теперь я научилась любить тебя, Андрюша! Но почему всегда все так поздно?"

1996 год, январь. В "Школе современной пьесы" отмечают 85-летний юбилей Марии Владимировны Мироновой. Все очень торжественно, рядом с ней близкие люди: Татьяна Егорова, Мария Миронова-младшая, Андрей Миронов-младший. Семья, которая воссоединилась после долгих лет разлуки...

Трудно сказать, что в книге Татьяны Егоровой правда, что вымысел. Кто-то из журналистов предсказывает, что грянут серьезные судебные разбирательства, что упомянутые в книге люди обязательно подадут иски о защите чести и достоинства. Может быть, все так и случится. Но людям, которые собираются подать иски, нужно прежде всего прочитать книгу, она — о любви, понять, что все, кроме этой любви, — глупости, шелуха. Любовь неподсудна, даже если она в смятении и волнении задевает чьи-то интересы. Не судитесь да не судимы будете. Позавидуйте, посочувствуйте, почувствуйте, оцените. Цените чужие чувства, и Господь подарит вам, может быть, свои, не менее сильные.

Книгу прочитала Виктория МОЛОДЦОВА

Кос. газета. - 1999. - 17 сент. - с. 27